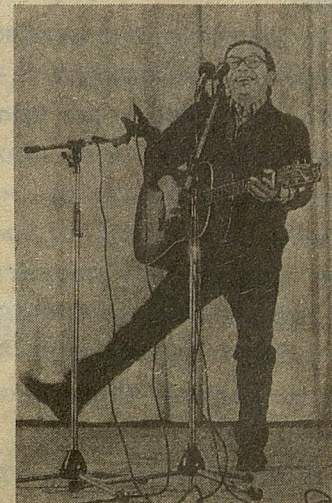

И ВОТ - Я С ВАМИ!

кисточкой он являл собой как бы осовремененного Фауста (и Ноя), у которого за всех болит голова и сердце.

- Дурацкая история приключилась недавно, - прерывает Юлик воспоминания. - Прихожу к доктору жаловаться на сердце. «Много пьете?» - спрашивает. «Полкило в день». - «Нельзя ли поменьше?» - «Поменьше никак не могу». Вот такой дурацкий вышел диалог.

- Моя история поучительней, - говорю. - Поехал я в Сокольники к врачу. Захожу: в кабинете все стены в иконах. Врач меня осматривает ладонями, то есть биополем, и говорит: «Вам надо пить водочку». И выписывает такой вот рецепт: «Цито! Водка, настоянная на цедре и корнях сельдерея. Принимать по стопке три раза каждый день». Что я и делаю. И оттого до сих пор здоров.

- Дай-ка адресок твоего доктора, - просит Ким. - А то медицина пошла какая-то не квалифицированная... Со свиданьем...

*Медам! Месье! Синьоры!
К чему играть спектакли?
Когда весь мир - театр,
И все мы в нем - актеры.
Не так ли?
Не так ли?...*

Эти слова, эти струны, этот голос и сейчас звучат в моей душе.

Владимир КЛИМЕНКО.

Москва, правда - 1993 - 28 сент. - с. 12

Случилось так, что в свой день рождения я оказался в собственном доме совершенно один. Уже вечерело, и мне оставалось меланхолически помешивать ложечкой чай в стакане, предаваясь самым черным мыслям. И вдруг раздался звонок Юлика Кима. «Жена больна? Сын у родителей? - звенел в трубке его бодрящий голос. - Все будет в порядке! Через час - я у тебя!» Это был луч света в темном царстве. И вот уже мой стол напоминал натюрморт фламандского живописца: разный фрукт и разный овощ, даже благоухающая кастрюля, которую Ким час назад собственноручно снял со своей плиты. И искрящаяся влага в бокалах. И неизменная гитара в руках. И ослепительная улыбка на фарфоровых зубах...

*На синем океане
Летит мой черный бриг.
Бристоль, Марсель,
Кейптаун
И Торонто...*

*Сто три меридиана
Проткнул его бушприт,
И все - без капремонта...*

Всегда сочувствую приятелям, которым не приходилось слушать Кима вот так, тет-а-тет. Можно, конечно, достать билеты на концерт в какой-нибудь клуб. Но это будет совсем не то, какое-то официальное мероприятие, что не вяжется с личностью певца, всегда находящейся чуть-чуть словно под хмельком. И оттого я всегда старался затащить кого-нибудь из журналистской братии к себе на домашний концерт.

Однажды, в середине 70-х годов, ко мне пришел знаменитый Лев Колодный, вечный репортер «Московской правды», учившийся ранее вокалу в Гнесинском училище. Юлик, только что певший, зачехлял гитару. «И это певец? - запремел бас Льва. - Вот как надо петь: до-о-о... ре-е-е... ми-и-и...» И стекла в моем доме за-

дрожали. «Ну я пошел», - только и сказал Ким. Дуэта у вокалистов не получилось, они принадлежали к разным творческим школам.

Спустя пару недель Колодный в компании журналистов все-таки слушал Кима. Дни тогда стояли темные, нехорошие, самый разгар брежневского застоя; служивые люди, надо сказать, побаивались друг друга. Юлик же, как назло, исполнял сплошь диссидентский репертуар: про стукачей, гбэшников, да еще про наших твердолобых вождей. «Знаешь, - признался после концерта Колодный, - мне казалось, что передо мной сидит японский шпион». «А я все ждал, - подтвердил общее настроение мой коллега-известинец Добыш, - когда наконец за нами приедут. Естественно, арестовывать».

Наутро позвонил Юлик и жестко сказал: «Чего они испугались? В другой раз приглашай своих друзей не на Кима, а на кулебяку!» Вот тогда, на пороге нашего знакомства, я ощутил разницу между собой, привыкшим оглядываться на начальство, и между человеком, стряхнувшим с себя несвободу.

Лет через десять, в середине 80-х, Ким под большим секретом подарил мне рукописный автограф своего нового стихотворения «Старики на мавзолее». В нем рефреном повторялись слова: о, скука! о, смертная тоска! Пусть будет хуже, но только по-другому! Автограф этот я храню у себя до сих пор...

Сидя за фруктово-овощным натюрмортом, я напомнил сотрапезнику о старых добрых временах. Он и в самом деле научил меня за годы нашего приятельства безоглядному веселью и бескорыстному доверью.

- Знаешь, Юлий, - говорю ему, - что все мы воспринимали тебя как певца диссидентства?

- Вот напрасно, - чуть ли не обижаются Ким. - Диссиденты - это кто? Сергей Адамович Ковалев, Глеб Якунин, Буковский, Щаранский, твой новый директор Сергей Григорьянц, мой покойный тесть Петр Якир. А я, перефразируя слова товарища Сталина о Котовском, поэт среди диссидентов и диссидент среди поэтов. В обоих случаях звучит не слишком серьезно.

- Но за тобой, кажется, был хвост? Как-то мы вышли на улицу, а из стоявшей рядом машины до меня донесся голос жены, которая дома мыла посуду. Оказывается, товарищи в машине забыли выключить подслушивающее устройство.

- Когда? Когда ж это было? - переспрашивает Ким. - Ах, в семьдесят пятом? Вполне возможно. Но скоро они от меня отъезжали. Я же для них вертопрах, вроде Хлестакова, сочинитель фарсов, вроде Тряпичкина. А машина нас подслушивала оттого, что мой тесть - Петр Якир. Хотели узнать, не возобновится ли «Хроника текущих событий».

- Ты все-таки написал пьесу «Московские кухни», - говорю. - Там прошла вся история нашего диссидентства. Сам видел, как по сцене бегал гбэшник генерал в синих лапшах, эдакий опереточный злодей.

- Сатирическая склонность ума, - отвечает. - И ничего более. Дай, думаю, посмеюсь над тем, что знакомо. Кстати, «Московские кухни» гораздо лучше приняли в Нью-Йорке, чем в Москве. Для американцев - это экзотика, для москвичей - надоевшая до оскомины дурная язь... Чтой-то мы все про политику, а об водке ни полслова... Со свиданьем... Поехали...

Полагаю, что Юлик не любил коммунистов более всего за их занудство; будь эти карьерные люди чуточку повеселее, он бы с ними как-нибудь примирился.

Двадцать лет знаю Кима, и

двадцать лет наблюдаю, как он культивирует в себе и в окружающих щедрость, талантливость, склонность к веселью. Лишь однажды видел Юлика молчаливым: было это в день знакомства с Анатолием Кимом. Мне, грешному, пришла вдруг идея свести в своем доме двух знаменитых однофамильцев - поэта и прозаика. «Здравствуй, брат, - сказал тогда Анатолий. - Меня часто спрашивают, не я ли пишу твои песни». «Здравствуй, брат, - ответил Юлик. - А меня спрашивают, не я ли пишу твои рассказы». Анатолий заговорил о Корее, корейцах, корейских проблемах. Юлий молчал, поскольку мать у него русская, он постоянно ощущает себя русским человеком. «Да какой же ты Ким? - сказал я после ухода Анатолия. - Вот был настоящий Ким. А ты - Всесвятский, как и твоя матушка. Да еще из старинного православного рода». Все-таки Юлика сильно задела громкая литературная известность однофамильца. Безмерно щедрый в делах материальных, он становится ревнивым и скаредным, когда речь заходит о творчестве, этом бессмертном веществе, связывающем нас с самим Создателем...

У меня раньше не было и, наверно, больше не будет такого светлого дня рождения. Целый концерт для одного слушателя закатил Ким. Под моим потолком звенели «Гренадеры» и «Лейб-гусары», «Кавалергарды» и «Бомбардиры», нескончаемые пиратские песни, вокальные номера из «Бумбараши» и «Необыкновенного чуда».

- Юлик, объясни, - спрашиваю его, - как вдруг получилось? За свободу боролись волнодумцы, а плодами победы воспользовались лавочники, господа сникерсы?

- В твоём вопросе, - отвечает, - есть неуместное слово - плоды. Ни о чем подобном никто из нас не помышлял. Я, например, как был до августа

девяног первого бедняком, так им и остался.

- Что ж тогда переменилось?

- Я просыпаюсь каждое утро совершенно счастливым. И наслаждаюсь свершившимся падением духовных оков. Ты мне поверь: хуже духовного рабства нет ничего!

- Не хочешь ли, - говорю, - написать о лавочниках, современных хозяевах жизни?

- Никакого желания!

- Все-таки я сомневаюсь во всем, что с нами происходит.

- Понимаю, понимаю, - кивает Ким. - Мы прошли через стадию отмирания ушей. Когда-то их не чувствовали, они были почти мертвы. Теперь уши заболели: началось их выздоровление.

- Пишешь ли и дальше диссидентские песни?

- Совершенно бессмысленное занятие.

- Что ж ты пишешь?

- Сочиняю песни к спектаклю «Севильский цирюльник» Бомарше. Не к опере, конечно, а к пьесе. Она ставится в Красноярском драматическом театре.

- А это правда, - спрашиваю, - что отравил кого-то Бомарше?

- Чистый блеф! - смеется Юлик. - И вот, что Сальери отравил Моцарта, - сомневаюсь. И в том, что гений и злодейство несовместны, - тоже сомневаюсь. Ну, да ладно... Поехали...

Как актер Ким дебютировал в восьмидесятом году в Петербурге (тогда еще Ленинграде) в собственной комедии «Сказки Арденского леса», поставленной Петром Фоменко. Автор заменил заболевшего актера и, как был, в джинсах и сандалиях, вышел на сцену играть пастуха Гильома. Через пять лет уже в Москве поэт выступил в драматической притче «Ной и его сыновья» в главной роли. В черной мантении и квадратной шапочке с